

УДК 1 (091)
ББК 87.3(2)

ОПРАВДАНИЕ РОССИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ РУССКИХ КОСМИСТОВ¹

Д. В. БАРАНОВСКИЙ

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
набережная реки Мойки, 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: afinus@gmail.com

Статья посвящена исследованию политических взглядов русских космистов. Политическая теория, затронутая в работах представителей этого направления, составляет существенную черту всего направления. При этом в политических взглядах космистов наблюдается парадокс. С одной стороны, проект космизма универсален, всемирно по своей сущности. С другой – ни один космист не прошел мимо вопроса о месте России в мире, и это отражает характер русской мысли. Разнообразные политические взгляды русских космистов синтетическим образом объединяют два обозначенных вопроса и снимают противоречие национального и глобального. При исследовании названного дуализма мы обращаемся как к классикам русского космизма – Н.Ф. Федорову, К.Э. Циолковскому В.И. Вернадскому, так и к менее известным фигурам – Б.Б. Вахтину, И.М. Борзенко – для воссоздания полноты философско-политической картины русского космизма. Отмечается, что широкий спектр политических концепций, обнаруженный в философском наследии русских космистов, редуцируется общей интенцией к глобальному и космическому представлению о политическом устройстве. Эта интенция является одним из критериев русского космизма.

Ключевые слова: космизм, философия политики, русская философия, русская идея, монархия, республика.

THE APOLOGIZE OF RUSSIA: POLITICAL VIEWS OF RUSSIAN COSMISTS

D. V. BARANOVSKII

The Herzen State Pedagogical University of Russia
Moyka embankment, 48, Saint-Petersburg, 191186, Russia

The article is devoted to the investigation of Russian cosmists' political views. The political theory touched upon in the works of the Russian cosmists is an essential feature of the whole philosophical direction. At the same time, a paradox is observed in the political views of cosmists. On the one hand, the cosmists' project is universal for all people on Earth. On the other hand, all cosmists were interested in the issue of Russia's place in the world. The diverse political views of Russian cosmists synthetically combine the two identified issues and remove the contradiction of national and global. In the study of the named dualism, we turn both to the classics of Russian cosmism - N.F. Fedorov, K.E. Tsiolkovsky, V.I. Vernadsky – and to the less well-known names - B.B. Vahtin, I.M. Borzenko – to recreate the completeness of the philosophical and political picture of Russian cosmism. It is noted that a wide range of political concepts, found in the philosophical

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ «Н.Ф. Федоров. Энциклопедия с онлайн-версией». Проект № 18-011-00953.

heritage of Russian cosmists, is reduced by a general intention to the global and cosmic understanding of the political system. This intention is one of the criteria of Russian cosmism.

Keywords: cosmism, philosophy of politic, Russian philosophy, Russian idea, monarchy, republic.

Философия русского космизма создала большой проект, который затронул не только проблемы онтологического, гносеологического и, конечно, этического характера. Реализация проекта космизма требует обращения к живым силам и к живым темам – социальному, экономическому, политическому устройству. Политику космисты воспринимают в ключе воплощения своего грандиозного проекта, и это задает особую остроту заявленной нами теме.

Общепринято считать Н.Ф. Федорова родоначальником русского космизма. Федоров придерживается монархических взглядов. В философии общего дела каждый человек должен вносить свой вклад в дело воскрешения, образуя органическую симфонию совместных усилий в борьбе с «основным злом» – смертью. Оригинальность федоровской политической концепции подчеркивает его последователь Н.А. Сетницкий, когда говорит, что взгляды Н.Ф. Федорова на политику основаны не на «зооморфной органической основе» [11, с. 665], а на догмате Святой Троицы. Общественный идеал Н.Ф. Федорова, по мысли Н.А. Сетникого, исключает «самую возможность борьбы, взаимоуничтожения и распада» [Там же], ибо он зиждется «на единстве сознания и действия» [Там же].

Главную политическую роль в устройстве общества по образу Святой Троицы занимает православный монарх. Н.Ф. Федоров придает высокий статус самодержавной власти. На самодержавии, по Федорову, лежит две обязанности: «всеобщая воинская повинность, которая уже совершила великое дело, и всеобщееобязательное образование, которое должно изменить войну в мир... в объединение для познания обращения слепой силы природы в управляемую разумом» [15, с. 17]. Великое дело всеобщей воинской повинности – собиранье земель и народов; всеобщее образование – следующий шаг самодержавия к реализации федоровского проекта, и на это стоит обратить внимание. Царский титул Федоров считает выражением пространственным и временным: монарх собирает народы и земли под крылом единой державы. Всеобщее же обязательное образование призвано, по Федорову, изменить направленность воинской силы, превращая ее в силу миротворческую, созидательную, обратить «все средства, изобретенные для взаимного истребления» [14, с. 38] в орудия жизнотворчества, «вменить войскам в обязанность все применяемое ныне к войне применять также и к управлению силами природы» [14, с. 39], и чтобы обратить военное дело «в общее дело всего человеческого рода» [Там же]. Монарх в представлении Н.Ф. Федорова является *умиротворителем*, и главная его функция – миротворческая, сотворение мира (как противоположности войне, розни, взаимному вытеснению). Как пишет Н.А.

Сетницкий, из общественного идеала Н.Ф. Федорова исключены отношения «принуждения и властвования... сделки и договора» [11, с. 666], а единственный вид отношений между людьми – родственные отношения отцовства и сыновства «как наиболее непосредственные, прямые, личные» [Там же], т. е. отношения христианского родства. Таким образом, политико-общественный идеал, предложенный Н.Ф. Федоровым, является теократическим идеалом космического масштаба, где задачами политики становятся не решение внутригосударственных проблем, а преодоление всечеловеческих тварных недостатков – смертности, вражды, розни.

Тот же масштаб мысли характерен для В.С. Соловьева. Его идея всемирной теократии повлияла на взгляды будущих космистов. По убеждению В.С. Соловьева, религия – это богочеловеческое дело [13, с. 301], задача которого – «исправить нашу извращенную жизнь» посредством владычества над нашей «низшей природой» [Там же]. Государство, по Соловьеву, оказывается высшим выражением общественного устройства. Однако мыслитель подчеркивает, что одни лишь юридические законы неспособны привести человека к Богу, так как они обеспечивают лишь сохранение данного состояния. Христос – воплощенное единство Первосвященника, царя и пророка. По мысли В. С. Соловьева, земная власть должна следовать этому христианскому идеалу и создать подобное единство на земле.

К.Э. Циолковский создает оригинальную общественно-политическую концепцию [16, с. 16-36]. Циолковский считает, что политические, экономические, социальные проблемы можно преодолеть регуляцией природы и освоением космического пространства. Автор космической философии предлагает разделить человечество на несколько «коммун», руководствуясь при разделении личными качествами людей – справедливостью, одаренностью, талантом. Социальная селекция, разделение людей на общества-коммуны, обеспечит становление демократии «в низах», а затем постепенно приведет к коммунизму, «введённому сознательно и добровольно» [Там же, с. 35]. Таким образом, теоретический коммунизм, по Циолковскому, представляет наиболее высокую форму социально-политического устройства. При этом К.Э. Циолковский подчеркивает особое значение гениальности в социальном устройстве. Именно гениальность «вырабатывает основные законы и специальные законы... Она изучает свойства человека... Придумывает способы исправления людей...» [Там же, с. 34] Гениальность, по Циолковскому, движет преобразовательным действием человека в природе, «она смотрит на небо и достигает его», и тогда «человек становится колонистом вселенной: снимается ограничение его размножению и распространению» [Там же]. В силах человечества, считает Циолковский, и преодолеть проблему смертности: благодаря гениальности, «жизнь становится неопределённо долгой» [Там же].

Биолого-механистическая картина общества с демократическими принципами, представленная К.Э. Циолковским, отличается от православно-монархических взглядов Н.Ф. Федорова. Циолковский большое значение уделяет социальной селекции, о которой у Федорова нет и речи. Философ открыто не говорит о судьбе политического устройства России, как это делает Федоров, но эта тема присутствует в работе Циолковского имплицитно. Однако обоих авторов объединяет масштаб измерения политико-социального устройства. Каждый из них видит сферу политики не изолированной, а органически соединенной с действием человека в природе и космосе. И в этом обнаруживается общность их взглядов. О.Д. Маслобоева подчеркивает значение органицизма в становлении космической философии, которая вырабатывает «деятельностно-диалектический тип мировоззрения как основание активно-эволюционного пути человечества» [8, с. 81] Идею социальной селекции К. Э. Циолковского можно отнести к попытке переустройства человеческой природы, и на этом основании отнести его политическую теорию к космистской.

Оригинальную политическую теорию предложили космисты 1920–1930 гг. В.Н. Муравьев и Н.А. Сетницкий. Не обращаясь к уже выработанным моделям правления, В. Н. Муравьев предлагает свою версию политического действия, исходя из представлений о времяобразующей деятельности социальных групп. Политика, по В.Н. Муравьеву, – это одно из проявлений символической культурной деятельности социальных групп. Причем политика – наиболее заметная сфера человеческой активности, поскольку она связана с взаимоотношениями между людьми. Каждое действие человека и социальной группы, считает Муравьев, является частью исторического процесса, который должен иметь направление и конечную цель. «Всякий, самый скромный акт, – говорит Муравьев словами Китовраса, героя своей мистерии «София и Китоврас», – имеет структуру, такую же, как наивысший и может быть путем вложения в него достаточной мысли, воли и активности расширен до пределов акта мессианского. Это означает для каждого данного акта нахождение его мессианского лона...» [9, с. 419-420]. Каждое действие, согласно В. Н. Муравьеву, вплетено в единый мессианский богочеловеческий акт, и значение политики в этом процессе заключается в установлении должных межличностных отношений, с наибольшей эффективностью ведущих к воплощению мессианского действия.

Идеи соборности и теократии в ключе космизма наиболее глубоко разработаны Н. Ф. Федоровым и В. С. Соловьевым. В. Н. Муравьев опирается на эти идеи и на их основе создает политическую концепцию, направленную на преодоление смерти, коллективное овладением временем, миром, космосом. В написанной в советской России работе «Овладение временем как основная задача организации труда» он по цензурным

соображениям редуцирует религиозную окраску идей мессианского акта, соборности и теократии к идее покорения природы и космоса. «Целью... политики и права, – пишет мыслитель, – должно быть создание такого строя, который имел бы задачей объединять людей в работе над изменением мира в смысле преодоления хаотического разброда разъедающих его времен» [10, с. 104]. Этот строй есть конечная цель политических исканий. В.Н. Муравьев именуется его космократией. Космическое измерение политических целей, предложенное В.Н. Муравьевым, делает несущественными столкновения частных национальных интересов [Там же]. Здесь философ идет вслед за Н.Ф. Федоровым, считавшим главной причиной человеческой розни смерть, и полагавшим, что разрешение проблемы человеческой вражды находится в преодолении смерти единым соборным действием, коллективным усилием ныне живущих во имя всех когда-либо живших на земле.

Космическое же измерение Муравьев считает применимым к политическому устройству не только общества, но и отдельной личности, что связано с двойственностью понятия природы в космизме: природы внешней и природы внутрлической. К овладению также и второй природой, внутрлической, призывает В.Н. Муравьев, когда говорит, что применение принципов космократии создаст «обширное поле для работы личного самоусовершенствования, вплоть до изменения человеком своей собственной природы» [Там же]. Своеобразная фрактальность политической концепции В.Н. Муравьева дает основания говорить о нем как о глубоком мыслителе-космисте со свойственным этому направлению стремлением к целостности знаний и представлений о человеке и мире.

Другой космист 1920-1930 гг. Н.А. Сетницкий (1888-1937) посвятил значительную часть своего философского творчества проблеме идеала, в том числе общественно-политического. Выраженная в его работе «О конечном идеале» мысль заключается в выделении drobных идеалов и целостного, абсолютного идеала. Во-первых, Н.А. Сетницкий указывает, что идеал достижим, а представление о недостижимости идеала возникает из-за непонимания природы идеала и незнания путей его воплощения [7, с. 160]. Во-вторых, мыслитель разделяет процесс «идеогонии» (созидания идеала. – Д.Б.) на 4 стадии:

1. «“Именованье” идеала», ответ на вопрос «во имя чего?», определение конечного состояния, достигаемого через осуществление идеала.

2. «“Образование” идеала», ответ на вопрос «что?», «определение конкретных черт» идеала.

3. «“Постижение” его как ориентировка в материале его воплощения», ответы на вопросы «как?», «где?», «когда?».

4. «“Осуществление” идеала, начальной стадией чего является определение того, кто призван к его воплощению» [Там же, с. 159].

В-третьих, на основании вышеизложенного Сетницкий относит большинство идеалов к дробным, суть которых «заключается в рассечении единого идеогонического процесса, в признании за основу идеала какой-либо одной или нескольких его стадий и в отрицании за всеми другими существенного значения» [Там же, с. 161].

Общественный идеал, по Сетницкому, не может быть ограничен ответом на вопрос «во имя чего?», хотя именно этим чаще всего ограничиваются все создаваемые человечеством идеалы. Чтобы идеал был осуществим, нужно решить, о чем этот идеал, какие средства нужны для его воплощения и, наконец, кто будет его осуществлять. Подчеркнем, что Н.А. Сетницкий относит к дробным идеалам не только социально-ориентированные секулярные идеалы (социализма, коммунизма), но и религиозные (царствия Божия, нового неба и новой земли, народа-богоносца).

Идеал, по мнению, Н.А. Сетницкого, – и здесь он близок Федорову – должен быть эсхатологичным, то есть предельным. Эсхатологический идеал Сетницкого близок идее единого мессианского действия В.Н. Муравьева, что сближает всех названных мыслителей.

В.И. Вернадский, представитель активно-эволюционной ветви русского космизма, один из теоретиков ноосферы, в качестве политического основания для перехода к «перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества» [6, с. 479–480] называл идеалы демократии, которые «идут в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы, отвечают ноосфере» [6, с. 480].

К 1950-1960 гг. в отечественной научной литературе возникает интуитивное понимание общности взглядов Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского. В 1970 г. эта интуиция обретает закрепление в термине «русский космизм» [6]. С 1970 гг. усилиями С.Г. Семеновой, И.М. Забелина, Н.К. Гаврюшина, Ф.И. Гиренка, А.П. Огурцова и других исследователей русский космизм стал обретать содержательную полноту. В этот период появляется новое поколение космистов, мы обратимся к их представлениям.

В работе С. Г. Семеновой «Тайны Царствия Небесного» есть глава «Оправдание России» [12, с. 260-289]. Ее название не случайно вынесено в заглавие нашей статьи. Светлана Семенова была первым отечественным федороведом нового поколения (начиная с 1970 гг.), кто обратил внимание на особое отношение Н.Ф. Федорова и космистов к роли России в космическом переустройстве. С.Г. Семенова связывает это с особенностями национального характера. Отличительным свойством русского мирозерцания, по мнению Семеновой, является метафизическое осознание смерти, «упёртость в смерть» [12, с. 265], которое столкнулось с «разомкнутостью жизненного пространства» русского человека, что породило колонизацию, славянское движение на восток, к восходу Солнца, «к началу цикла, вещи, человека, к началу начал» [12, с. 266]. И из этого

Семенова, вслед за Федоровым, выводит устройство Российского государства – имперскую идею России следует понимать как стремление к собиранию народов, их умиротворению, к соборности. После умиротворения межплеменного и международного следует умиротворение природное и космическое – преодоление смертного состояния. Формальное собирание народов и земель, внешнее государственное устройство ожидает внутреннего наполнения Общим делом борьбы со смертью, исходящим из русской души, русской метафизики.

Политическая философия С. Г. Семеновой, следующая путями Н.Ф. Федорова, основана на идее христианского государства, неразрывно соединенной с идеей преодоления смерти. «Глубиннейшая русская метафизика, – пишет С. Г. Семенова, – метафизика переживания смерти» [12, с. 275], и этим она объясняет не только государственные завоевания, но и «загадочную русскую душу», постоянную неудовлетворенность ответом на конечный вопрос – «кто мы?». И величие Федорова Семенова видит именно в предложенном им ответе – Общем деле борьбы со смертью – естественном продолжении русской идеи, русской метафизики и результате многовековых русских исканий.

Другим интереснейшим, но малоизученным лицом русского космизма является Б.Б. Вахтин (1930–1981). Мыслитель предложил нетривиальное развитие идей космизма, рассмотрев отношения природы и человека как отношения подчинения, в которых человек оказался функцией природного процесса. В истории человечества Вахтин отмечает наличие моральных границ – верхней и нижней, – которые люди не могут переступить в силу своей закабаленности природой. Смерть при этом оказывается высшим проявлением несправедливости (нравственной несвободы), ведь человек может быть убит «неизвестно за что и почему...» [5, с. 873]. Из-за подчиненного положения человека в природе (а природа для Б.Б. Вахтина, как и для космистов, – широкое явление, космос, Вселенная) поиски справедливости оказываются тщетными. Человечество сменяет одну форму правления другой, «люди в разных странах пользуются то одной, то другой системой власти, черпая варианты из довольно скромного набора» [5, с. 849] – пишет Вахтин. Более того, исследование истории, согласно Б.Б. Вахтину, показывает, что «плохи все формы власти и собственности – и потому хочется сменить имеющуюся, но идеальной нет...» [5, с. 852]. Кажется, выход из дурной бесконечности невозможен – ни один общественно-политический идеал не оказывается целостным, поиски человеческого счастья обречены на провал.

Однако угроза всеобщей смерти – увеличение объемов вооружения до масштабов, которых хватит для уничтожения «и пролетариев всех стран и капиталистов, и коммунистов и христиан, и помещиков и батраков» [5, с. 856] – заставляет говорить о человечестве как о едином целом. Решение планетарных и космических задач заключается, по Вахтину, в обретении человечеством свободы от природной зависимости, будущее при этом

зависит «от нашей воли, от нашего выбора – гарантии успеха нет, предопределения тоже нет» [4, с. 144].

В поисках свободы Б.Б. Вахтин не отдает предпочтение ни одной политической системе, показывая, что каждая из них несовершенна, неспособна принести полную свободу, и потому временна. Свобода же человека возможна только в результате преодоления смертности – главного проявления несправедливости, главного ограничителя свободы воли. Для Вахтина важна не форма правления, а его содержание. Следуя взглядам Н.Ф. Федорова и гордясь русскими корнями идеи торжества на земле бессмертия во плоти, Б.Б. Вахтин считает, что вектор власти должен быть направлен к «общему освобождению от смерти, к принципиально иному бытию людей, основанному на принципе “владыкой мира должна быть жизнь”» [Там же]. И возможно это лишь всеобщими «усилиями одушевленной плоти – т. е. трудом людей, их совокупным и напряженным трудом» [Там же]. Политическая власть, таким образом, становится организатором, объединителем людей в творчестве свободы, в борьбе со слепыми силами природы, преодолении несправедливости смерти.

Б.Б. Вахтин подчеркивает русское происхождение идеи всеобщего антропогенного бессмертия во плоти. Мыслитель пишет, что эта «грандиозная» идея была высказана рядом «пророков» – Н.Ф. Федоровым, Ф.М. Достоевским, В.С. Соловьевым, К.Э. Циолковским и другими [Там же]. При этом, по мнению Вахтина, «в России... ни один выдающийся писатель, художник или гуманитарный ученый не христианин появиться не может, это по многим глубоким причинам исключено» [5, с. 864]. Так что очевидно, мыслитель связывает идеи русского космизма с христианством. Отмечая особую роль христианства в истории России, Б.Б. Вахтин именно в православии видит уникальный русский путь: «У нашей страны...нет иного пути, кроме своего собственного, неподражательного; и идти по этому пути можно только... вверх...» [5, с. 728]. Б.Б. Вахтин считает, что для обретения воли к большим переменам, к реализации политических реформ (о которых в 1960–1970 гг. мечтали многие советские интеллигенты) «надо стать выше... злобы ближайшего дня», «увидеть яснее предстоящий человечеству выбор между жизнью и смертью, между гибелью и бессмертием», и это даст нам возможность нарисовать контуры будущего России и мира. Мы «сможем попытаться указать путь к жизни и бессмертию» [5, с. 816].

В духе подхода С.Г. Семеновой осмыслял философские идеи Н.Ф. Федорова И.М. Борзенко (1933–2003). Системолог, естественник, он был обеспокоен проблемой глобализации и сохранения мира. И.М. Борзенко отчетливо видел картину происходящих мировых изменений, столкновение цивилизаций в ходе глобализации и искал точки соприкосновения разных культурных миров, пытался определить возможности диалога. В качестве одной из наиболее острых проблем современности И.М. Борзенко выделял

религиозные конфликты, столкновения религиозного и секулярного подходов, науки и религии, верующих и неверующих.

Для взглядов И.М. Борзенко оказалась особенно актуальна федоровская идея внехрамовой литургии, «престолом» которой «будет вся земля, как прах умерших», а деятелями, соучастниками – все живущие [3, с. 265]. Проект Федорова, видевшего в литургии храмовой средство объединения человечества в едином действии, во «внехрамовой евхаристии», ученый транспонировал в современность, полагая в нем основу для диалога верующих и неверующих, переходящего в дело.

И.М. Борзенко выделял два актуальных вектора развития человечества, называя их «условно миром силы и миром разума». Суть первого заключается в попытке силового объединения мира, принудительной глобализации. И в этом отношении ученый был крайне резок: он не отделял современный ультралиберализм США от фашистской и большевистской попыток глобализации. Альтернатива силовой глобализации, по мнению И.М. Борзенко, лежит в концепции устойчивого развития (как пишет Борзенко, более точный перевод – «жизнестойкое развитие»). Особенно актуальным призыв к жизнестойкости становится перед лицом экологических угроз и угрозы взаимного истребления, когда «рост средств вооружения опережает развитие человеческого сознания, т. е. продвижение к “совершеннолетию”, по выражению Н.Ф. Федорова» [3, с. 275].

Одна из главных задач современного человечества, по мысли ученого, – преодоление розни между людьми, эгоистических силовых методов объединения. Если в XIX веке, во времена первых космистов, идеи преодоления «небратского состояния мира» и ответственности за жизнь каждого живого существа звучали как религиозно-философские грезы, только лишь намечаемый путь в будущее, то в XXI веке, веке стремительной глобализации, идея всемирного единения в общем деле обнаруживает себя как необходимость. И.М. Борзенко признает, что «никакая мировоззренческая парадигма, не опирающаяся на естественнонаучное мировоззрение, в настоящее время не может быть общезначимой» [3, с. 282]. И именно здесь становится востребованной «федоровская формула объединения человечества, сочетающая идею внехрамовой литургии для верующих и неверующих» [Там же], и противоположная только лишь религиозному проекту объединения, выдвинутому экуменическим движением. Нацеленность «на “фундаментальный консенсус”, точку встречи различных мировоззрений, выводящих планету на “общее дело”» [3, с. 282], И.М. Борзенко связывает с федоровской идеей внехрамовой литургии – «актуальной и реалистической программой современных диалогов». Переориентация человечества, поворот от соперничества и борьбы к мировому диалогу, «основанному на принципе “владыкой мира должна быть жизнь”» [4, с. 144] становится «важным каталитическим средством... глобальной

бифуркационной смены, психологического переворота от менталитета потребления к психологии со-творчества и со-развития» [3, с. 283].

Мы видим, что представления русских космистов о форме правления разнятся. Однако за внешней разницей можно увидеть сходные родственные черты, на основании которых мы и объединяем мыслителей в одно направление. Главная характеристика философии политики в космизме – направленность политической власти на реализацию всеобщего дела, общего всемирного проекта. Политика, по мнению космистов, призвана способствовать объединению человечества и его умиротворению. Политическая власть в космизме – ресурс, который, следуя высоким идеалам человеколюбия, следует обратить во благо человечества, взятого в целом. И здесь важно отметить, что речь идет не о приоритете общественного над индивидуальным. Космизм как синтетическая философия уникальным образом объединяет всеобщие интересы с личными в проблеме смерти. Смерть – всеобщее явление, свойственное всему живому. Н.Ф. Федоров пишет: «как неестественно спрашивать, почему сущее существует, так вполне естественно спросить, почему живущее умирает...» [5, с. 45]. Одновременно смерть вызывает личные душевные и духовные переживания, протекающие в глубине человека, влияющие и подчас берущие верх над экзистенциальностью. Политическая власть оказывается призвана принять организационное участие в решении главной проблемы всего живого – смертности, и тем самым, объединить «усилия одушевленной плоти».

Немаловажно подчеркнуть, что политическим и общественно-политическим построениям космистов свойственна целенаправленность, телеологичность. Наиболее полно телеологический подход к формированию общественно-политического идеала выражен в работах Н.А. Сетницкого, В.Н. Муравьева, С.Г. Семеновой, Б.Б. Вахтина и других космистов. Всякое социально-политическое действие, считают космисты, должно быть направлено на всеобщее мессианское (по выражению В.Н. Муравьева) действие, а вся деятельность людей объединена стремлением к победе над смертью.

Проблема свободы, которая неизменно возникает при анализе феномена власти, космистами решается представлением о наличной несвободе человека, нахождением его во власти природного состояния, «несовершеннолетием», по выражению Н.Ф. Федорова. Человек несвободен хотя бы потому, что он может быть убит «неизвестно за что и почему...» [5, с. 873]. Таким образом, космистами признаются несостоятельными любая политическая система, любой общественно-политический идеал, не направленный на победу над смертью. Именно смертность как результат закабаленного состояния человека является и главным проявлением человеческой несвободы, и источником других видов социально-политической неволи. Особенно остро на проблеме власти природы над человеком фокусировался Б.Б. Вахтин.

Однако проблема смерти в русском космизме редко существует отдельно от христианского ее понимания. Для космистов существенной является идея христианской политики, служащей делу обращения мира в Царство Христово. На этой идее сконцентрирована политическая философия Н.Ф. Федорова и В.С. Соловьева. В эпоху 1920–1940-х годов в работах космистов христианский посыл ослабевает, что особенно заметно у В.И. Вернадского, считавшего, что идеалы советской демократии идут в унисон с геологическими процессами. Однако в философских и политико-философских конструкциях космистов 1970 и 1990 гг., которые очевидно опирались на активно-эволюционные идеи, вновь звучат христианские мотивы – христианская идея бессмертия во плоти (Б.Б. Вахтин), внехрамовая литургия (И.М. Борзенко). Это свидетельствует о диалектике отечественной мысли XX–XXI веков. Смена философских и политико-философских интенций с христианских на естественнонаучные, произошедшая в СССР в 1920–1960 гг., укрепила активно-эволюционную ветвь русского космизма. Однако, как видно из работ новых космистов (С.Г. Семеновой, Б.Б. Вахтина, И.М. Борзенко), в 1970–1990 гг. интерес к христианству и религиозно-философской проблематике возвращается, и это возвращение сказывается и на политических взглядах русских космистов – они вновь обретают христианское измерение, христианские ценности и идеалы.

Список литературы

1. Алексеева В.И., К.Э. Циолковский: философия космизма. – М.: Самообразование, 2007. – 320 с.
2. Барановский Д.В., Возрождение интереса к философским идеям Н. Ф. Федорова в контексте исследования биографии и научного наследия К. Э. Циолковского (1930–1970 годы) // Московский Сократ: Николай Федорович Федоров (1829–1903). Сборник научных статей / сост.: А.Г. Гачева, М.М. Панфилов; отв. ред. А.Г. Гачева. – М.: Академический проект, 2018. – С. 516–525
3. Борзенко И.М., Ноосферный гуманизм / сост. В.И. Борзенко, А.Г. Гачевой, Т.А. Щегляевой, примеч. А.Г. Гачевой и Т.А. Щегляевой. – М.: Академический проект, 2015. – 526 с.
4. Вахтин Б.Б., Необходимые объяснения с самим собой // Звезда. 2000. № 11. – с. 143–145
5. Вахтин Б.Б., Портрет незнакомца / Борис Вахтин; сост.: И.В. и Н.Б. Вахтины. – СПб: ЗАО «Журнал «Звезда», 2010. – 924 с.
6. Вернадский В.И., Биосфера и ноосфера. / Предисловие Р.К. Баландина – М.: Айрис-пресс, 2004. – 576 с.
7. Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х годов. Вып. 1. Н.А. Сетницкий. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 624 с.
8. Маслобоева О.Д., Проект философии «общего дела» Н.Ф. Федорова // Научнотехнические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Сер.: Гуманитарные и общественные науки: научное издание. – 2015. – № 4 (232) – с. 81–92.
9. Муравьев В.Н., Сочинения. В 2 кн. Кн. 1 / В.Н. Муравьев / Сост., подгот. текста, коммент. А.Г. Гачевой. – М.: ИМЛИ РАН, 2011. – 704 с.

10. Муравьев В.Н., Сочинения. В 2 кн. Кн. 2 / В.Н. Муравьев / Сост., подгот. текста, коммент. А.Г. Гачевой. – М.: ИМЛИ РАН, 2011. – 720 с.
11. Н. Ф. Федоров: Pro et Contra: в 2 кн. Кн. 1 / Сост., вступ. ст. А.Г. Гачевой, С.Г. Семеновой; коммент. А.Г. Гачевой при участии А.Л. Евстигнеевой, Т.Г. Никифоровой, С.Г. Семеновой. – СПб.: РХГИ, 2004. – 1112 с.
12. Семенова С. Г., Тайны Царствия Небесного. – М.: Школа-пресс, 1994. – 415 с.
13. Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. В 10 т. Т. 3: 1877-1884. / под ред. и с прим. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова. – 2-е изд. – СПб.: Просвещение, 1912. – 430 с.
14. Федоров Н. Ф., Собрание сочинений: В 4-х тт. / Составление, подготовка текста и комментарии А.Г. Гачевой и С.Г. Семеновой. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. – Т. I. – 518 с.
15. Федоров Н. Ф., Собрание сочинений: В 4-х тт. / Составление, подготовка текста и комментарии А.Г. Гачевой и С.Г. Семеновой. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. – Т. II. – 498 с.
16. Циолковский К.Э., Миражи будущего общественного устройства. / Сборник статей. – М.: Луч, 2010. – 272 с.

References

1. Alekseeva, V. I. *K.E. Tsiolkovskiy: filosofiya kosmizma*. [K.E. Tsiolkovskii: philosophy of cosmism] – Moscow: Samoobrazovanie, 2007. – 320 p.
2. Baranovkiy, D.V. *Vozrozhdenie interesa k filosofskim ideyam N.F. Fedorova v kontekste issledovaniya biografii i nauchnogo naslediya K.E. Tsiolkovskogo (1930–1970 gody)* [The revival of interest N.F. Fedorov's philosophical ideas in the context of the study of K.E. Tsiolkovsky's biography and scientific heritage (1930-1970)] in *Moskovskii Sokrat: Nikolai Fedorovich Fedorov (1829–1903)*. Sbornik nauchnikh statej. – Moscow, 2018. – pp. 516-525
3. Borzenko, I. M. *Noosfernyj gumanizm* [Noospheric humanism]. – Moscow, 2015. – 526 p.
4. Vakhtin, B. B. *neobkhodimye ob"yasneniya s samim soboy* [Necessary explanations with yourself], in *Zvezda*. 2000. No. 11. – pp. 143-145
5. Vakhtin, B. B. *Portret neznakomtsa* [The portrait of a stranger]. – Saint-Petersburg, 2010. – 924 p.
6. Vernadskiy, V. I. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and noosphere]. – Moscow, 2004. – 576 p.
7. *Iz istorii filosofsko-esteticheskoy mysli 1920-1930 godov. Vyp.1. N.A. Setnitskiy* [From the history of philosophy-aesthetic thought in 1920-1930. Vol. 1. N.A. Setnitskiy]. – Moscow, 2003. – 624 p.
8. Masloboeva, O.D. *Proekt filosofii "obshchego dela" N.F. Fedorova* [The project of N.F. Fedorov's philosophy of "common task"] in *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta*. Saint-Petersburg – 2015. – № 4 (232) – pp. 81-92.
9. Muravjov, V.N. *Sochineniya* [The complete works]: in 2 vv. – Moscow, 2011. – Vol. 1 – 704 p.
10. Muravjov, V.N. *Sochineniya* [The complete works]: in 2 vv. – Moscow, 2011. – Vol. 2 – 720 p.
11. *N.F. Fedorov: Pro et Contra*: In 2 vv. – Saint-Petersburg, 2004. – Vol. 2. – 1112 с.
12. Semenova, S.G. *Tajny Tsarstviya Nebesnogo* [The secrets of the Kingdom of Heaven] – Moscow, 1994. – 415 p.
13. *Sobranie sochineniy Vladimira Sergeevicha Solov'eva* [The complete works of Vladimir Sergeevich Soloviev]: In 10 vv. – Saint-Petersburg, 1912. – Vol. 3: 1877–1884 – 430 p.

14. Fedorov, N. F. Sobrańie sochineniy [The complete works]: In 4 vv. – Moscow, 1995. – Vol. I. – 518 p.
15. Fedorov, N. F. Sobrańie sochineniy [The complete works]: In 4vv. – Moscow, 1995. – Vol. II. – 498 p.
16. Tsiolkovskiy, K.E. Mirazhi budushchego obshchestvennogo ustroystva [Mirages of the future social order] – Moscow, 2010. – 272 p.